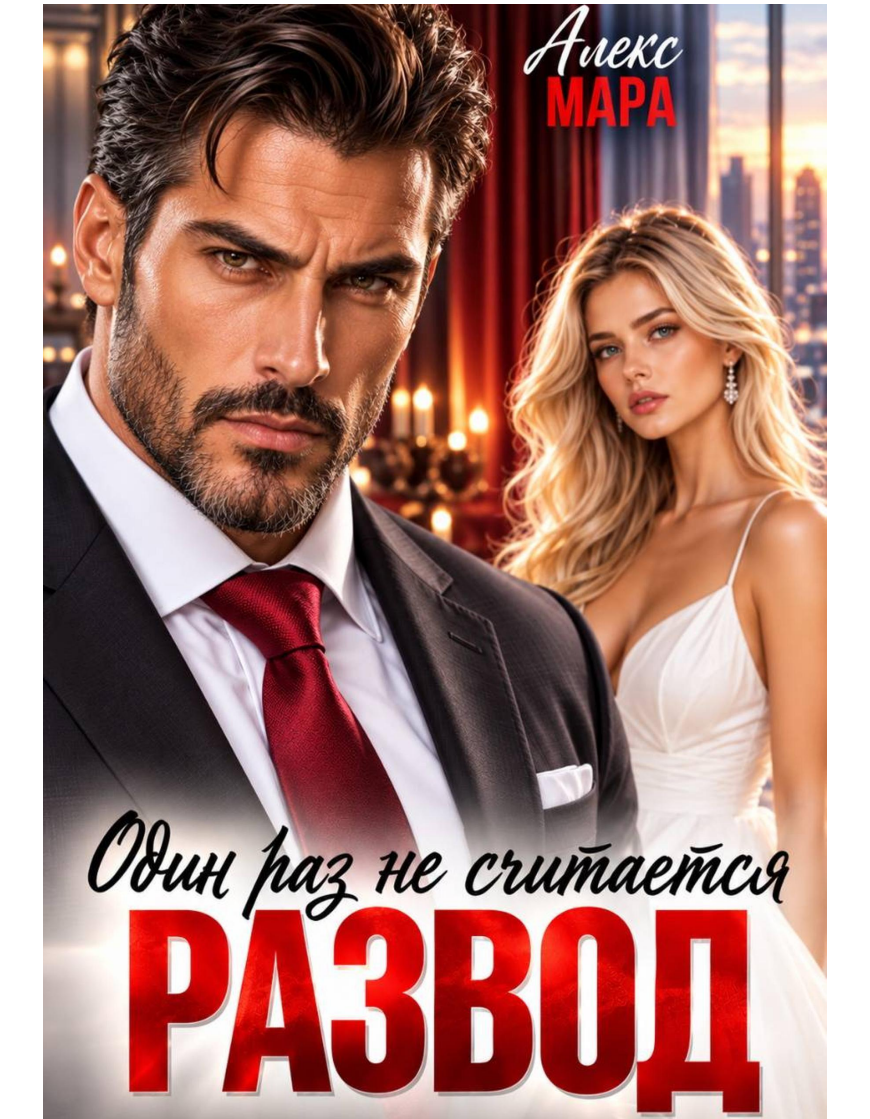

A movie poster featuring a man and a woman. The man, in the foreground, has dark hair and a beard, wearing a dark suit, white shirt, and a red tie. He has a serious, intense expression. The woman, in the background, has long blonde hair and is wearing a white dress. She is looking towards the camera with a slight smile. The background is a blurred cityscape at night with warm lights.

Алекс
МАРА

Один раз не считается

РАЗВОД

Алекс Мара

Развод. Один раз не считается

<https://litres.ru/74567712>

SelfPub; 2026

Аннотация

– Перестань мне звонить! Я тебя предупреждал, что у меня сегодня свадьба. Ты обещала, что поймёшь. Да, да. Конечно, это ничего не значит. Катя нужна только для моего имиджа, как украшение. Цапка, как дорогие часы. Я сто раз тебе объяснял! Это важно для бизнеса и моего статуса. Молодая, красивая жена, семья как картинка. Ну что, успокоилась? Вот и умница.

Внутри меня что-то обрушивается. Как обвал в горах, крушит, ломает, погребает всё живое. Подслушала мужа, называется.

Темир говорит про меня?

Я только что вышла за него замуж, наивно веря, что мы любим друг друга.

А он считает меня дорогим аксессуаром.

И любит другую женщину.

Содержание

1	4
2	8
3	13
4	18
5	23
6	28
7	32
8	36
9	42
10	47
11	51
12	56
13	60
14	65
1	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Алекс Мара

Развод. Один раз не считается

1

– Ну, Аланов, везучий чёрт, ты сорвал джекпот с Катюшей! – смеётся друг мужа, огромный, лысый, добродушный Камиль. Смотрит на меня с умилением. – Твоя невеста как принцесса из сказки.

– А ты не заглядывайся! И она жена мне теперь, а не невеста! – рычит муж, прижимая меня к боку. Вроде в шутку рычит, но при этом глаза сверкают предупреждением.

Темир как увидел меня в свадебном платье, так вообще собирался отменить свадьбу, чтобы меня никто, кроме него, в таком наряде не увидел. Не то, чтобы платье было совсем открытым, но и не слишком скромное. Верх простой, а юбка словно соткана из облаков – лёгкая, воздушная, с множеством тончайших слоёв фатина, которые мягко колышутся при каждом моём движении. Впечатление и правда сказочное.

Всё это волшебство предназначено впечатлить Темира, который сегодня стал моим мужем. Он сходит с ума, когда

на мне белые кружева и прозрачные светлые ткани, вот я и постаралась.

– Темир, скажи по секрету, как ты такую красавицу окрутил? Ты мрачный и злой, как орк, а она вон какое солнышко! – Очередной приятель хлопает мужа по плечу и подмигивает.

Они шутиливо переругиваются. Темир тот ещё собственник, и когда речь заходит обо мне, сразу напрягается и рычит, будто готовится броситься в бой.

Я смущённо опускаю глаза, но улыбаюсь.

Темир обнимает меня за талию – нежно, бережно, словно я хрупкая драгоценность.

Мои родители стоят чуть поодаль, разговаривают с другими гостями. Я то и дело ловлю их взгляды, и сердце сжимается от нежности. Мама, конечно, плакала во время церемонии бракосочетания. Папа смотрел на меня с гордостью. Они приехали издалека, почти через всю страну, чтобы повеселиться на моей свадьбе. Немного тревожились, потому что Темир на двенадцать лет старше меня, но, когда познакомились с ним, сразу успокоились. Поверили, что он меня в обиду не даст. Всё для меня сделает. Трясётся надо мной, как Кощей над своим богатством.

Я хочу раствориться в этом вечере, но есть одно маленькое, назойливое «но» – телефон Темира вибрирует уже в который раз. Он пару раз вынул его из внутреннего кармана,

мельком посмотрел на экран, сбросил звонок и убрал обратно.

Но не выключил.

И телефон продолжает надрываться.

Наконец я не выдерживаю, вопросительно поднимаю брови. Темир обещал, что на свадьбе не будет отвлекаться на рабочие дела.

Он улыбается, целует меня в висок. Демонстративно выключает телефон и убирает обратно в карман.

– Ничего постороннего. Сегодня только ты, – произносит он так тепло, так уверенно, что я сразу перестаю думать о постороннем.

Я ему верю. Так же легко, как дышу.

Мы выходим танцевать. Свет становится мягче, музыка – глубже. Кладу ладонь на грудь Темира, чувствую под пальцами ровное биение его сердца. Закрываю глаза. Всё исчезает – гости, голоса, свет. Остаётся только ощущение его рук на моей талии и знание: я – дома. Где бы мы ни были, муж – мой дом.

Когда музыка заканчивается, Темир снова заговаривает с друзьями, а я иду в туалет.

Ощущаю на себе множество взглядов и улыбок – и это приятно. Чувствую себя красивой, счастливой. Я не просила устраивать пышное торжество, Темир сам этого захотел.

Сказал, что нашей любви нужно красивое обрамление. Он вообще любит меня баловать.

Называет меня своим счастьем.

Захожу в туалет, закрываю за собой дверь.

Проходя мимо зеркала, ловлю своё отражение – румяные щёки, блеск в глазах. Мне кажется, что я сияю изнутри.

Платье, волосы, украшения – всё идеально. И я чувствую себя идеально. Я жена Темира Аланова. Его любимая жена. Любовь всей его жизни.

В этот момент из кабинки выходит девушка в блестящем серебристом платье – одна из тех, что сидят за столом партнёров моего мужа. За ней появляется вторая. Нас знакомили, но я забыла их имена.

Они не замечают меня, потому что стоят спиной, а меня не видно из-за открытой двери кабинки.

Девушки поправляют помаду и болтают так свободно, будто мир принадлежит только им.

– Да ну, – фыркает одна, – посмотрела я на неё поближе... обычная. Даже слишком. Ни стиля, ни харизмы. Просто... молодая блондинка с голубыми глазами, вот и вся её ценность.

Вторая смеётся – тихо, но злобно.

– Молодая – это да, других преимуществ нет и быть не может. Темир всегда любил молоденьких пустоголовых блондинок. Тут и думать не о чем, она его только постелью и дер-

жит.

Они переглядываются в зеркале, обмениваются довольными, ядовитыми улыбками.

– Естественно! А чем ещё она может его заинтересовать? Чтением энциклопедии? – Первая закатывает глаза. – Просто очередная глянцевая игрушка. Красивая – да. Новая – да. Но пустая. Для таких брак – это раз в жизни, а для него... развлечение на несколько месяцев. Он её потому и выбрал, что она тупая и ни о чём не догадается. Сделает ей ребёнка, а сам продолжит развлекаться.

Вдруг ловлю себя на том, что... усмехаюсь. Мне смешно.

Потому что эти девушки – всего лишь любовницы его партнёров. Вечные спутницы «на праздники», «для настроения», «для поездок». Те, кому покупают сумки и платья, но не кольца. С чьим мнением не считаются. Эти девушки прекрасно знают своё место. Знают и ненавидят его. Поэтому и злословят.

А я – жена.

Я – та, кого Темир провёл под руку через весь зал.

Та, на кого он смотрит так, будто весь мир сошёлся в одной точке – на мне.

Та, с которой он говорит о доме, о детях, о будущем. О наших общих интересах.

Эти девицы завидуют моему счастью, вот и всё. И мне их даже немного жалко.

Закрываю дверь кабинки, чтобы они, наконец, услышали звук и поняли, что здесь не одни. Их лица в зеркале бледнеют, губы поджимаются.

Я прохожу мимо них, не произнося ни слова, и подхожу к зеркалу. Молча поправляю прядь волос, мою руки.

Уловив мою совершенно спокойную, снисходительную улыбку, они опускают глаза.

Потому что моя улыбка говорит громче слов.

Я на своём месте.

И любовь у нас с Темиром настоящая.

А им завидно.

Зависть всегда кричит громче счастья тех, кому завидуют.

Я разворачиваюсь и выхожу из туалета. Такая счастливая, что, кажется, я иду по облакам.

Вернувшись в зал, иду вдоль стены, обхожу массивную колонну – и вдруг останавливаюсь. В нескольких шагах от меня Темир спорит с Камилем, причём так яростно, что на щеках мужа красные пятна. Камиль его старый друг, они знают друг друга с детства. Но сейчас между ними явный раздор.

Меня не было всего минут пять. Что могло случиться?

Камиль держит свой телефон в руке и показывает Темиру

что-то на экране. И они об этом спорят.

Муж выглядит разъярённым.

Секунда. Две.

Как будто время на миг останавливается.

Темир оглядывает зал.

Я стою в тени за колонной, поэтому он не замечает меня.

Достаёт телефон из кармана, разворачивается и идёт к выходу.

Быстро. Целенаправленно. Рассерженно.

Я стою, будто приросла к полу.

Не двигаюсь.

Не моргаю.

Не дышу.

Гул голосов отходит на периферию. Люди смеются, чокаются, празднуют, но я слышу это словно через толщу воды. Смотрю на удаляющуюся спину моего мужа, на его быстрый шаг, на то, как двери зала распахиваются и закрываются за ним.

И впервые за этот ослепительный, идеальный день я чувствую, что внутри меня что-то едва слышно хрустит. Как тонкое стекло под пальцами.

Что-то случилось...

Это не работа, потому что Камиль врач, и у них с Темиром нет общего бизнеса.

Что же может быть настолько важным, что муж уходит от меня прямо на нашей свадьбе? Даже не предупредив...

Внутри меня поднимается внезапное странное чувство – не тревога и не ревность, а, скорее, инстинкт, требующий, чтобы я последовала за мужем.

Делаю шаг вперёд, потом ещё один. Люди вокруг ничего не замечают – все заняты своим весельем, никто не смотрит в сторону выхода.

Я иду за Темиром.

Платье шуршит при каждом шаге, но звук тонет в музыке. Я держусь ближе к стене, не привлекая внимания, словно сама стала тенью.

Мы с Темиром часто смеёмся над тем, что он слишком заметный – высокий, крупный, уверенный, да и шаг, и манера держаться у него такие властные, будто он движется через любой зал как хозяин. И сейчас он идёт так же. Только быстрее, чем обычно.

Я выскальзываю в коридор вслед за ним. Здесь тихо. Свет тусклый и воздух прохладнее. За дверью зала музыка звучит глухо, и мелодия кажется неузнаваемой.

Темир идёт по коридору в сторону служебных помещений – туда, куда гости обычно не заходят. Я ускоряю шаг, но всё равно держусь на расстоянии. Он сворачивает за угол, исчезает.

На секунду задерживаюсь. Мне стыдно за ним шпионить,

это кажется почти предательством. Подумываю о том, чтобы развернуться и уйти, однако остаюсь на месте. Случилось что-то настолько серьёзное, что он поругался с другом и ушёл, не предупредив меня. Я должна узнать, в чём дело.

И тут я слышу голос Темира.

Не громкий, но отчётливый, глуховатый от напряжения – я никогда не слышала его таким. Он не ругается, не раздражён. Он... убеждает. Успокаивает. Но не меня, а кого-то другого. Женщину.

– Послушай... Нет, не надо плакать... Перестань себя накручивать и звонить Камиле! Я не мог ответить на звонок. Я тебя предупреждал, что у меня свадьба сегодня. Ты должна понять... – Он делает короткую паузу, шумно выдыхает. – Будь разумной! Я ничего от тебя не скрывал. Ты обещала, что поймёшь...

Моё сердце замедляет ход. По коже бежит мороз.

Делаю несколько шагов вперёд, осторожно выглядываю из-за угла. Темир стоит спиной ко мне в светлом пятне коридорной лампы. Голова чуть наклонена вперёд, телефон около уха.

– Я тебе объяснил, что всё это нужно исключительно для моего имиджа. Катя... – Он делает паузу, как будто выбирает слова. – Украшение.

Мне кажется, что воздух вокруг становится тяжелее. С усилием втягиваю его в лёгкие, но получается плохо. Ещё немного, и я задохнусь.

– У меня теперь определённый статус, и я должен соответствовать. Молодая жена, семья как картинка... Так надо. Это важно для бизнеса. Ты же знаешь, как это работает.

Внутри меня что-то обрушивается. Как обвал в горах, крушит, ломает, погребает под собой всё живое.

Украшение.

Слово режет слух. Режет кожу. Режет всё.

Темир продолжает, не подозревая, что я стою в нескольких шагах от него.

– Да, да... Конечно, ничего не значит. Я сто раз тебе это говорил! Неужели надо каждый раз повторять? Катя цацка! – Он чуть хрипло смеётся, очень тихо. – Как дорогие часы. Или машина. Чтобы соответствовать. Я женился, потому что мне нужна красивая картинка. Всё. Ну что, успокоилась? Вот и умница...

Ощущаю, как у меня холодеют пальцы. Колени, бёдра, руки. Потом грудь. Потом шея.

Я промерзаю насквозь.

Он... про меня?

Про меня, которая только что вышла за него замуж, наивно думая, что мы любим друг друга так сильно, что это видно каждому?

Про меня, которую он держал за руку и смотрел так, будто я для него – целый мир?

Несколько минут назад я была его счастьем.

А сейчас оказалась его статусом.

Дорогим аксессуаром.

Он сравнил меня с часами, с машиной.

– Не волнуйся, – продолжает он спокойнее, теперь уже тоном мужчины, уверенного в том, что контролирует ситуацию. – Между нами ничего не изменилось. Да, конечно, всё как всегда. Я разберусь. Просто... не сейчас. Поняла?

Пауза.

– Да. Потом. После свадьбы.

Мой мир рушится, но без ожидаемого грохота и фейерверков.

Всё очень тихо. Как хруст стеклянной елочной игрушки, на которую наступили.

Я отступаю на шаг. Другой.

Боюсь, что упаду, потому что ноги становятся ватными, заплетаются. Машу руками, пытаюсь ухватиться за стену.

«Украшение»

«Красивая картинка»

«Дорогие часы»

«Цацка»

В зале за стеной всё так же смеются гости, звенят бокалы.
Празднуют свадьбу.

Там праздник, а здесь – правда.

Стою за углом, прижавшись спиной к холодной стене, и мне кажется, что всё вокруг вдруг стало хрупким, как тонкое стекло.

Слова Темира, его спокойный, ровный, почти ленивый голос продолжают звучать в ушах, хотя он уже умолк.

«...картинка... цацка... украшение...»

Я даже не уверена, дышу ли.

Мир будто провисает, как ткань, в которой вырезали огромную дыру.

Может, я ослышалась? Не мог же Темир сказать *такое* про меня?

Свадьба... Катя... цацка.

Увы, это обо мне.

Его мнение обо мне – это удар под дых. Даже более сильный удар, чем тот факт, что у Темира есть другая женщина, которую он успокаивает и заверяет, что между ними ничего не изменилось.

Даже если он говорил всё это обо мне только для того, чтобы успокоить свою любовницу, это всё равно предательство. Двойное.

Моё сердце в панике, оно плачет, требует, чтобы разум срочно нашёл другое объяснение тому, что я только что услышала.

Любое разумное объяснение.

Но память беспощадна, она воспроизводит каждое слово с кристальной чёткостью.

И я слышу в них то, чего никогда не слышала раньше в голосе любимого мужчины. Снисходительность, насмешку, даже каплю презрения.

Как будто он говорит не о женщине, которая только что стала его половинкой под звуки свадебного вальса, а о вещи, о статусном предмете, который «украшает его жизнь». Которую он купил.

Я закрываю глаза, пытаюсь удержаться ладонями за стену, чтобы не соскользнуть вниз.

Это не истерика.

И не слёзы.

Это... пустота.

Слышу шаги Темира, он возвращается, идёт прямо ко мне. Ещё пара секунд, и он меня увидит, и тогда...

Что я ему скажу?!

Как реагируют на обман такого масштаба, да ещё и в день

свадьбы?!

Замираю в ожидании.

Шаги Темира замедляются, в последний момент он разворачивается и выходит на улицу. Стоит на крыльце, смотрит куда-то вдаль.

Только тогда я позволяю себе сделать вдох.

Слабый.

Рванный.

Цацка.

Я?

Это даже не обида.

Это шок.

Будто я потеряла почву под ногами. Темир вообще знает, на ком женился?! Он очень сильно просчитался, если считает меня цацкой.

Ладно, хватит причитать. Я услышала правду, а значит, пора принять её и двинуться дальше, как бы тяжело ни было. Следует поблагодарить судьбу, что я узнала об этом сейчас, а не после нескольких лет брака и пары детей.

Беру себя в руки.

Медленно выпрямляю плечи. Придерживаясь за стену, ухожу в конец коридора, где меня не найдут. Мне необходимо несколько минут наедине с собой. Я не из тех, кто действует импульсивно и необдуманно.

Не сейчас.

Не здесь.

Сейчас нельзя действовать на эмоциях. Я не из тех, кто устраивает цирк для посторонних, да и среди гостей есть очень дорогие мне люди, и я не хочу их пугать и расстраивать без предупреждения.

Осматриваю себя с пристрастием. Да, я выгляжу как украшение. Это правда. Платье мерцает, юбка из фатина похожа на пирожное с кремом. Меня фотографировали сто раз за вечер, мне говорили комплименты.

Но это всего лишь внешнее, оболочка, а главное – внутри. Мне казалось, что Темир видит меня всю, целиком, вместе с моими мечтами, принципами и страхами.

Я очень сильно ошиблась.

Обманулась.

Поправлюсь: оказывается, я всё-таки импульсивная, раз согласилась выйти замуж за мужчину, который совершенно меня не знает. И не ценит.

Но и он тоже ошибается, если думает, что я это стерплю.

Что спокойно проглочу такое отношение и предательство.
Этого не случится.

Но и скандалить – это не моё. Я не стану унижаться, слушать его ложь, не стану терять себя в истерике и слезах на глазах у гостей.

Я из тех, кто уходит и стирает из памяти того, кто меня предал. Пусть Темир играет с кем хочет и во что ему угодно. Но не со мной.

Я – женщина, которая знает цену своей любви и своего достоинства.

Обман закончится сегодня.

Когда я возвращаюсь в банкетный зал, меня окутывает свет – тёплый, золотой, мерцающий.

В ушах ещё звенят слова Темира, но я запрещаю себе о них вспоминать. Захлопываю мысли и веду себя, как будто ничего не случилось.

Поднимаю подбородок.

Плечи сами собой расправляются.

Дыхание становится глубоким, медленным.

Вхожу в толпу не как разбитая женщина, а как счастливая невеста. Как хозяйка этого вечера.

Как женщина, которую невозможно унижить мнением мужчины, который оказался меня недостоин.

Меня подхватывает весёлая музыка, гости разговаривают громко, шумно, счастливо. Смех, звон бокалов, тосты – всё это затягивает меня в игру, в которой не остаётся места для плохих мыслей.

Я двигаюсь между гостями словно по сцене. Раздаю улыбки, мягкие, уверенные, как будто живу в волшебной сказке. Мне задают вопросы про медовый месяц. Я с удовольствием

рассказываю о поездке, которая уже не состоится, и о месте, в которое всю жизнь мечтала попасть, но теперь уже не попаду.

Сейчас я не чувствую боли.

Только силу.

Потому что следующий шаг за мной, и никто не отнимет у меня этого права.

Темир возвращается в зал и сразу ищет меня глазами. Видит, что я разговариваю с гостями, и на его лице появляется облегчение. И гордость тоже. И страсть.

Он всегда смотрит на меня так, будто мечтал обо мне всю жизнь. Возможно, отчасти поэтому я так долго ему верила.

Подходит ко мне, извиняется перед гостями. Говорит, что, если срочно не потанцует с женой, то погибнет.

Гости с умилением смотрят, как мы выходим в центр зала.
– Ты сияешь! – говорит Темир, глядя на меня с восхищением.

Да, я сияю, но от ужаса, а не от счастья. Однако гостям об этом знать необязательно.

Мы делаем первый круг по залу. Горячая ладонь Темира на моей талии, его дыхание касается моего виска. Гости улыбаются, кто-то снимает нас на телефон. Со стороны мы выглядим как идеальная пара.

И только я знаю, что между нами только что раскрылась зияющая бездна.

После трёх кругов я поднимаю на мужа улыбочивый взгляд.

– Я потеряла тебя, дорогой!

Он ощутимо напрягается.

– Что ты имеешь в виду?

– Не могла найти тебя в зале и пошла искать.

Сказав это, замолкаю. Выжидаю, оценивая его реакцию.

Мы уже не кружим по залу, а движемся неловким зигзагом, потому что Темир перестал обращать внимание на танец. Он сбивается с шага, его руки на моей талии сжимаются всё сильнее.

– И как... нашла меня? – не выдерживает он наконец.

– Да, нашла. Скажи... с кем ты разговаривал по телефону?

Не смотрю на Темира. Улыбаюсь гостям, выгляжу беспечной и радостной.

– Это был друг, – говорит Темир напряжённым, опасливым тоном. – У него проблемы со здоровьем, поэтому мне пришлось ответить на звонок, извини.

– Как жаль. Здоровья ему!

Даже если бы я не знала об обмане, то сейчас насторожилась бы. Когда у знакомых Темира возникает даже намёк на проблему со здоровьем, он сразу консультируется у меня, так как я медсестра. А тут друг, которого нет на нашей свадьбе, и о болезни которого я не знаю. Да ещё и «друг» без имени,

хотя Темир всегда называет множественных родственников и знакомых по имени, чтобы я смогла их запомнить.

– Но, Темир... разве не все твои друзья здесь? – Встречаюсь с ним взглядом.

Он слегка наклоняет голову, но глаз не отводит – и я вижу, как в них вспыхивает что-то короткое, резкое. Миниатюрная искра раздражения.

Она гаснет почти сразу.

– Не все смогли приехать. У меня много друзей, Катя, и ты не всех знаешь.

– Да, конечно. – Моя улыбка тёплая, мягкая. – Я искала тебя, потом услышала, что ты разговариваешь по телефону, и не стала задерживаться. Ты что-то говорил про цацки.

Темир резко выдыхает, а это уже признак очевидного раздражения.

– Друг забыл купить подарок жене на день рождения, и я сказал, что ей понравится любая цацка. Она меркантильная женщина и очень любит украшения.

Я снова улыбаюсь, хотя внутри пожар. Вихрь ярости взметает искры гнева.

Однако снаружи я идеальна.

Ни тени подозрения во взгляде.

Ни капли боли на лице.

Я – та женщина, которую Темир хочет видеть рядом.
Я цацка.

Темир мне лжёт.

Смотрит мне в глаза и лжёт. В день нашей свадьбы. Вот и ещё одно открытие, весьма неприятное.

А после этого он улыбается, смотрит на меня с гордостью и обожанием. Но теперь я знаю, что эти восторженные эмоции просто закрывают дыру, через которую сочится неприглядная правда. Правда, которую муж не собирается мне открывать.

И при этом улыбается. Спокойно. Расслабленно. Для него ложь – это допустимый инструмент, когда общаешься с цацкой, с красивой декорацией. И муж уверен, что декорация не с двинется, не возразит и не уйдёт.

Однако он ошибается.

Я не заподозрила обмана, но не из-за глупости, а потому что доверяла. А теперь я обо всём знаю и уже не закрою глаза, и не позволю водить себя за нос.

Праздник продолжает бурлить и искриться – музыка сменяет тосты, тосты сменяют смех, звон бокалов разливается по залу как хрустальный дождь. Гости улыбаются мне, обнимают, желают счастья. Я демонстрирую им то, что они хотят видеть, – счастье, сияние, спокойствие.

Особенно я стараюсь с родителями. Они улетаю́т домой завтра рано утром, и я хочу, чтобы они унесли с собой счаст-

ливые, красивые впечатления и чувства. Чтобы жили спокойно и не волновались обо мне.

Я сама справлюсь с ситуацией.

Поэтому я улыбаюсь, кружу по залу и осыпаю всех благодарностями за присутствие на торжестве и за подарки. Это совершенно не обязательно, однако сейчас я бы сделала всё что угодно, только бы не стоять рядом с моим новоиспечённым мужем. С беспринципным лжецом и предателем.

Я улыбаюсь, однако внутри меня мёртвый холод.

И тишина.

И, кажется, именно эту тишину Темир и начинает слышать. А может, замечает пустоту на дне моей улыбки, потому что подходит ближе и заглядывает в глаза. Хмурится, кладёт руку мне на талию.

– Счастье моё, что-то случилось?

– Да, случилось, – выдыхаю, отворачиваясь. На секунду представляю, что случится, если я прямо сейчас скажу Темиру, что знаю правду, и пошлю его... в самых сочных выражениях. Увы, во мне не заложено южного жара, моё оружие – северный холод.

Неудивительно, что Темир ёжится. Его нервирует пауза после моих слов. Холодная, как сквозняк между двумя занавесками.

– Что случилось? – не выдерживает он, явно чуя неладное. Он привык, что я лгну к нему, что мой взгляд ищет его

взгляд, что мои пальцы сами находят его ладонь.

А сейчас я отвернулась от него и обнимаю себя ладонями.

– Я так безумно устала, что еле держусь на ногах, поэтому хочу попрощаться со всеми заранее, – отвечаю.

Какое-то время Темир вглядывается в меня, словно проверяет на правдивость, потом улыбается.

– Так вот в чём дело! Сердце моё, тебе не нужно ни с кем прощаться. Мы просто уйдём – и всё, мы ни перед кем не обязаны отчитываться.

– Я в порядке. Правда. Просто хочу немного походить. Люди ждут, ты же видишь. Все хотят нас поздравить.

И я ухожу – красиво, плавно, безмятежно. До того, как мы с Темиром попрощаемся с гостями и удалимся в наш номер, мне предстоит завершить несколько важных дел.

Ощущаю его взгляд в спину.

Тяжёлый.

Внимательный.

Недоверчивый.

Мы с Темиром уходим раньше остальных.

Под аплодисменты гостей поднимаемся по мраморной

лестнице гостиницы, словно королевская чета, окутанные светом и вниманием. На губах у меня лёгкая улыбка, а в груди – холодная пустота.

Темир идёт рядом, уверенный, гордый, словно весь мир принадлежит нам. Его рука крепко обнимает мою. Я чувствую любимое тепло его кожи, ловлю его счастливый взгляд, но внутри меня всё дрожит от противоречий.

Перед тем, как свернуть в коридор, он наклоняется и сминая мои губы быстрым, страстным поцелуем. Я застываю статуей. Мои губы неподвижны, сердце будто замерло. Не отталкиваю мужа, но и не отвечаю на поцелуй.

Темир чуть отстраняется, смотрит на меня с удивлением, пытаюсь понять, что со мной происходит. Отвечаю ему слабой улыбкой, и он успокаивается.

– Всё для тебя сделаю, – шепчет, легко касаясь моих губ.
– Когда мы останемся наедине, я докажу это. – Его голос ломается от страсти.

Дверь номера закрывается за нашими спинами, и в этот момент внутри меня будто гаснет последний огонёк.

Тишина кажется тяжёлой, как влажный воздух перед грозой.

Темир стремительно придвигается ко мне, будто давно и нетерпеливо ждал, когда мы окажемся наедине. Его руки ложатся на мою талию, горячие, уверенные. Он прижимает меня к себе, и я чувствую, как в нём кипит неотложное желание.

Из его груди вырывается довольный рык. Торжество собственника.

– Катя... – Его голос низкий, хрипящий, как будто Темир сдерживается из последних сил. – Моя жена. Моё сокровище. Я всё для тебя сделаю. Всегда. Ты даже не представляешь, как сильно я тебя люблю.

Он говорит это быстро, сбивчиво, хрипло. Его пальцы скользят по моей спине, по плечам, как будто он хочет коснуться каждого сантиметра женщины, которая ему принадлежит.

– Сегодня... – Он целует меня в губы, нетерпеливо, требовательно. – Сегодня я докажу тебе всё. Всё. Ты только пожелай, и я положу весь мир к твоим ногам. Ты моя судьба, слышишь?

Легко встряхивает меня, как будто призывает к ответу.

А моё тело словно существует по инерции. Оболочка без души. Мои чувства перегорели, их выжгло огнём предательства.

Я не отталкиваю Темира, потому что не могу. Не в силах. Представляю, с каким счастьем и упоением слушала бы его признания, если бы не знала о гадком обмане.

Мне так плохо, что я еле держусь на ногах, но Темир этого не замечает. Или не хочет замечать.

– Ты такая красивая... – Его пальцы касаются моей щеки, спускаются по шее, касаются груди. Он оценивает меня светящимся, жадным взглядом. Любуется своей цацкой. – Я едва выдержал этот вечер. Хотел украсть тебя ещё после регистрации. Ты моя, слышишь? Самая красивая женщина в мире теперь принадлежит мне.

Он дышит тяжело, горячо, слишком близко. В его взгляде восторг и желание такой силы, словно вот-вот сметёт меня с ног.

Его рука ложится мне на затылок, пальцы путаются в моих волосах.

– Счастье моё...

– Темир, пожалуйста, прошу тебя... – Отворачиваюсь и закрываю глаза. – Ты пахнешь сигарным дымом. Мне нехорошо. Ты же знаешь, что я не переносу этот запах.

Он колеблется. На его лице отражается мучительное желание заставить меня смириться с запахом сигар, пообещать,

что он примет душ позже, и отнести меня в постель. Его руки тянутся к моей талии, но... в последний момент он отступает. В его взгляде мелькает раздражение.

– Дай мне две минуты, чтобы принять душ. Не раздевайся, Катя. Просто подожди меня. Я хочу сам тебя раздеть.

Спешит в ванну, на ходу сдирая с себя одежду.

Сразу включает воду, сильный напор. Сразу заходит внутрь, хотя вода ещё наверняка ледяная.

Смотрю на его поджарое, мускулистое тело, которым я так наслаждалась, и... прощаюсь.

С рекордной скоростью скидываю с себя свадебное платье. Пуговицы и блёстки летят во все стороны. Фатин оседает на полу белым облаком.

Поднимаю платье, раскладываю его на кровати, словно это последний акт нашей истории. Нежный материал шуршит в моих руках, словно шёпот прошлого, которого больше нет.

К счастью, у меня с собой джинсы и топ. Завтра утром мы собирались заехать в квартиру Темира, где мы живём вместе, чтобы забрать наши уже упакованные чемоданы и поехать в аэропорт. Медовый месяц. Мальдивы.

Из ванной валят клубы пара. Темир что-то ворчит о том, что обливается гелем для душа, чтобы от него не пахло сигарами.

Отрываю лист гостиничной бумаги и пишу.

Удачи в поисках нового украшения!

Больше не твоя,

Цацка

Сердце рвётся на куски, но я держу себя в руках. Это мой последний жест, последнее слово в этой игре, в которой он с самого начала нагло засчитал свой выигрыш.

Когда я выхожу в гостиничный коридор, слышу, как в ванной затихает шум воды.

Я успела.

Если бы я не была медсестрой, то сделала бы карьеру в логистике. И свадьба, и побег были продуманы и проведены идеально.

Особенно хорошо удался побег. Можно подумать, что я планировала его неделями, а не во время свадебного банкета, да ещё и пребывая в шоке.

Я полулежу на мягком диване в квартире Леры, моей школьной подруги. В последние несколько лет мы общались не так часто, как хотелось, потому что Лера переехала в другой конец города, и мы обе много работали. Но при этом мы преданы друг другу как в школьные годы. Я как раз поэтому и попросила Леру о помощи. Во-первых, она живёт далеко от Темира, а во-вторых, он её не знает, только мельком видел на свадьбе.

Для этого я и ходила по залу во время банкета – чтобы организовать продуманный побег. Договорилась с Лерой, отдала ей ключи от квартиры Темира и позвонила знакомому, который заехал за Лерой, отвёз её к Темиру, подождал, пока она соберёт мои вещи, а потом они вместе вернулись в гостиницу и ждали, пока я выйду.

Никаких осечек, чистая работа. Чего мы только ни вытворяли с Лерой в школе, так что я была уверена, что она справится. И я доверяю ей как себе самой.

Свет в гостиной мягкий, тёплый, но даже он кажется сейчас слишком ярким. Меня всё раздражает – свет, звуки, прикосновения. Чувствую себя оторванной от собственного тела. Душа парит в воздухе, а тело словно утонуло и застряло где-то между поверхностью и глубиной.

Лера ставит передо мной чай.

– Катюш... давай постараемся хоть немного поговорить. Нельзя запирать всё в себе, это вредно для здоровья... – Подруга смотрит на меня широко раскрытыми глазами, потом хмурится. – Вот видишь, ты дрожишь! Я сейчас принесу одеяло...

– Нет, спасибо, не нужно. Я и так под пледом, и горячий чай поможет. Мне тепло, просто... я в шоке.

Я действительно дрожу, но не от холода. Это нервная дрожь, следствие происшедшего.

– Хорошо, тогда давай поговорим. На банкете ты сказала, что Темир тебе изменил и ты не собираешься с ним оставаться, поэтому хочешь сбежать. Я не выпытываю у тебя подробности, а просто предлагаю тебе выговориться. Говори о чём угодно, только не держи это в себе.

– Я знаю, спасибо... Я и не хочу держать это в себе, и ничего от тебя не скрываю. У меня нет доказательств, что Темир мне изменял... физически, но тут дело даже не в измене. Я случайно подслушала его телефонный разговор. Он сказал, что женился на мне только потому, что ему по стату-

су нужна красивая картинка. Он назвал меня цацкой. Украшением.

– Тебя?! – Лера искренне изумлена. Впрочем, как и я. – Темир вообще тебя не знает, что ли?!

– Оказывается, что нет, не знает. Он видит только мою внешность, и больше ему ничего не интересно.

– Господи... – Подруга прижимает ладонь к губам.

– Он разговаривал с женщиной... – Я сглатываю, потому что от слов тошнит, как и от мыслей. – И сказал, что между ними ничего не изменится, успокаивал её.

Глаза подруги наполняются злостью за меня. Чистой, яркой, как огонь.

– Что за тварь... Ты правильно сделала, что ушла!

Да. Может быть. Наверное. Но сердце всё равно сжимается, как будто я совершаю преступление. Как будто разрушаю то, что могло сделать меня очень счастливой.

Телефон в очередной раз вибрирует сообщением.

Темир.

Естественно, это снова он.

Количество пропущенных уже не умещается в список – «99+».

И сообщения – длинные, короткие, орущие заглавными буквами, холодные, горячие. Он кидает их как человек, по-

терявший самообладание.

Первое резкое:

«Вернись немедленно! Что ты себе позволяешь?»

Потом ещё:

«Где ты? Скажи адрес. Это не игра»

И ещё:

«Так себя не ведут! Не сбегают в ночь с собственной свадьбы! Ты должна была признаться, что подслушала мой разговор, и мы бы обсудили. Так поступают приличные люди»

Потом смена тона:

«Катя. Это не смешно. Я волнуюсь»

Потом ещё мягче:

«Прости. Вернись. Ты всё не так поняла, нам надо поговорить. Я злюсь, потому что не сделал ничего плохого, а ты ко мне несправедлива»

А потом – отчаяние:

«Я не знаю, что ты слышала, но это не то, что ты думаешь. Катя, прошу тебя, скажи, что с тобой всё в порядке. Я схожу с ума»

Телефон вновь вибрирует.

Опять Темир.

Он пытается удержать контроль, это видно в каждой фразе. Он бесится, потому что я исчезла без его разрешения. Потому что он привык управлять. Потому что считал меня мягкой, послушной, преданно влюблённой нарядной цацкой.

А у цацки не может быть инициативы, а коварства и по-давно.

Я не подозревала обмана и была такой, какой он хотел меня видеть, – мягкой и податливой. И наивной.

До сегодняшнего вечера.

– Не ответишь? – спрашивает Лера.

– Нет. – Мой голос удивительно ровный. – Пусть поволнует, ему полезно.

Если я отвечу сейчас, Темир попытается мной манипулировать. Он наверняка успел придумать объяснение тому разговору, красивую ложь. А я сейчас слишком чувствительна, слишком сильна ранена.

Поэтому я не стану с ним разговаривать, не этой ночью. Не хочу слышать его очередную ложь.

Я выбираю тишину.

И выбираю себя.

Лера приносит мне тёплые носки и второй плед.

– Оставайся сколько нужно. Я никому не скажу, что ты у

меня.

Впервые за этот вечер позволяю себе глубоко вдохнуть.

Телефон вибрирует уже не так яростно, как раньше. Не рывками, не волнами злости. Теперь это какое-то упорное, тихое, настойчивое подрагивание.

По крайней мере, мне так кажется. Наверное, потому что после бессонной ночи мои чувства и ощущения притупились от усталости.

На ночь я выключила телефон, но всё равно не смогла заснуть. А теперь включила – и сразу загрузилось множество сообщений.

Одно из голосовых длинное, больше двух минут. Касаюсь его пальцем, но не решаюсь включить.

Лера смотрит на меня с тревогой.

– Либо позвони Темиру, либо заблокируй его на фиг, только не мучай себя...

Решившись, нажимаю на длинное сообщение.

– Катя... – Голос Темира хриплый, потерянный. – Катя, пожалуйста, дай мне хоть какой-нибудь знак, что с тобой всё в порядке. Я уже весь город объехал, все гостиницы, даже в больницы звонил... Я не могу простить себе то, что случилось. Никогда не смогу. Ты так сильно расстроилась, что уехала одна, посреди ночи, ничего мне не сказав... Просто сбежала. Могла накричать на меня, и тогда я бы всё объяс-

нил, успокоил тебя. А ты... убежала. С тобой могло случиться что угодно... — Он замолкает, потом делает глубокий вдох, будто собирается с силами. — Мне не следовало говорить то, что ты слышала. Я не знаю, что ты подумала, но я... Всё, что я сказал про тебя, — это неправда. Мне необходимо было это сказать, потому что иначе возникла бы проблема с... человеком, с которым я разговаривал. Однако те слова ничего не значат. Они лживые. Я не изменяю тебе и никогда бы так не поступил. Ты не игрушка, не... цацка. Ты никогда...

Его голос ломается. Несколько секунд он молчит, потом откашливается.

Чувствую, как в груди что-то поднимается, горячее и колющее. Я не плачу, но боль давит изнутри.

Темир продолжает:

— Я не знаю, как заслужить твоё прощение. Не знаю, как исправить то, что сказал. Я... я привык думать, что могу всё контролировать, и что всё как всегда пойдёт согласно моим правилам и требованиям. Но я попал в непростую ситуацию в бизнесе. У меня возникли проблемы, о которых я тебе не рассказывал, потому что... Я хотел быть идеальным для тебя. Чтобы ты думала, что я всё могу и что за мной ты будешь как за каменной стеной. Ты такая идеальная и светлая... Я знал, что не заслуживаю тебя, поэтому хотел казаться лучше, чем есть, чтобы ты знала обо мне только хорошее. И вот к чему это привело. Этой ночью я осознал, что мне плевать на всё. На гордость. На принципы. На то, что подумают окру-

жающие.

Опять пауза.

И дальше – тихо, еле слышным шёпотом:

– Я просто хочу, чтобы ты вернулась. Чтобы сказала, где ты. Как ты. Хотя бы сообщи, что с тобой всё в порядке. Всё остальное... всё к чёрту. Я буду умолять тебя всю оставшуюся жизнь, чтобы ты меня простила. Я объясню всё с самого начала до самого конца, всю правду, которую ты захочешь услышать. Расскажу, в какую ситуацию я попал и почему. Только... не исчезай так. Пожалуйста. Я... я буду бороться за тебя. Я ничто без тебя, понимаешь? Я пустой, если тебя нет рядом. Не знаю, что делать, как сказать тебе правильные слова, чтобы ты выслушала меня... чтобы поняла. Катя, ты...

Голос обрывается.

Запись заканчивается.

Я сижу молча.

Лера осторожно касается моего плеча, но я почти не чувствую её прикосновения.

Никогда не слышала Темира в таком отчаянии. Таким потерянным, испуганным... обнажённым до самой души.

Меня потряхивает от напряжения и от эмоций.

Лера приносит мне чай – мятный, горячий, в огромной кружке с отколотым краешком. Обхватываю кружку обеими ладонями, впитываю тепло.

– Ну как? – тихо спрашивает Лера. – Что он говорит?

Отвечаю не сразу. Слова будто застревают где-то в груди.

– Темир говорит, что ему плохо без меня. У него проблемы в бизнесе, о которых он не хотел мне рассказывать, потому что пытался казаться идеальным.

Лера садится рядом, поджимая ноги, как в школе, когда мы делились секретами и проблемами, которые тогда казались вселенскими катастрофами – плохие оценки, обиды, симпатичные мальчики.

Но сейчас мы возвращаемся в совсем другой вселенной.

– Катюш... – Лера смотрит внимательно, мягко, с пониманием. – Ты думаешь, что поспешила, сбегав от Темира?

– Нет, я так не думаю. Даже если Темиру удастся выпросить у меня прощение, мне кажется, что нам нужна была эта встряска. Понимаешь, я же тоже пыталась казаться идеальной для него. Темир так сильно мной восхищался, что я старалась выглядеть на все сто, готовила его любимую еду, всегда была милой и сговорчивой... А сейчас как услышала его признание в том, что он многое от меня скрывал, то подумала, что мы оба в чём-то ошиблись. Зря оба старались казаться лучше, чем мы есть на самом деле, ведь это же неправда...

Лера мягко кивает, но потом всё-таки спрашивает.

– Наверное, ты права, но что связывает его с той женщиной, с которой он разговаривал?

– Он предлагает обо всём мне рассказать. Полагаю, она

как-то связана с проблемами в бизнесе.

– И поэтому он ей сказал, что ты просто красивая картинка? – Лера выразительно смотрит на меня.

– Он сказал ей, что я просто цацка, и для них ничего не изменится. А мне он сказал, что никогда не изменял. – Развожу руками.

– Ты ему не веришь? – тихо спрашивает Лера и отводит взгляд, давая мне возможность перевести тему.

Мне всегда нравилось её чувство такта. В то время как другие подруги громко заявляли своё мнение, допытывались, давили, Лера не более чем предлагала тебе рассказать о том, что тебя тревожит. И не настаивала.

Вот и сейчас она вроде как задаёт вопрос, но не обидится, если я откажусь ответить.

Но почему бы и нет... В таких ситуациях наоборот полезно проговорить всё вслух.

Безрадостно усмехаюсь.

– Слишком рано говорить о доверии. Или, наоборот, слишком поздно, это как посмотреть. Темир соврал мне в лицо, Лер. Просто... спокойно. Как будто это нормально – врать жене прямо во время свадьбы. Когда я спросила его, с кем он разговаривал про какую-то цацку, он даже не моргнул, а выдал целую историю о друге, который якобы покупает драгоценности для жены. Немного напрягся, когда лгал, но не более того. А когда я спросила, почему этот его так называемый друг не приехал на свадьбу, Темир выкрутился как ни в чём не бывало. Я понимаю, что у него большой опыт в бизнесе, где надо держать лицо и всё такое, поэтому он хорошо себя контролирует, но... Мы с ним не бизнес!

А он... нагло солгал мне прямо на свадьбе. Я ведь слышала собственными ушами, что он говорил той женщине. Нежно. Интимно. Как будто... между ними что-то важное и... длительное.

Горло снова сжимается, я откашливаюсь.

Лера изучает меня несколько секунд, потом говорит осторожно.

– Но голосовое сообщение Темира задело нужную струну, и ты хочешь его выслушать.

Да.

Задело.

Да, хочу...

Нет, «хочу» здесь не подходит.

– В происходящем нет ничего из того, что я когда-либо хотела. Но... Да, признаюсь, слова Темира на меня повлияли. Вернее, даже не сами слова, а то, как он их говорил. Никогда раньше он не был таким... сломанным, что ли. Растерянным. Кажется, он почти плакал. Он всегда всё держит под контролем, а тут... будто его мир рухнул. Из-за меня. Это...

– ...льстит? – мягко подсказывает Лера.

Я моргаю от неожиданности.

Это больно.

И это прямо в точку.

– Да, – признаюсь со вздохом. – Льстит. И пугает одновременно. Как будто Темир пойдёт на всё, лишь бы меня вернуть. А я не хочу, чтобы наша связь держалась на его панике. Мне нужны нормальные, здоровые отношения без лжи и страха.

Лера хмыкает.

– Ты взрослеешь, Катя. В юности всем нам хочется покорить мужчину настолько, чтобы он сходил с ума, пел серенады под окном и доставал луну с неба. А теперь хочется уважения, искренности и стабильности.

Я долго смотрю в чашку, помешиваю листья мяты. Вот ещё одна причина, по которой я обожаю Леру и очень скучаю, когда мы долго не разговариваем и не видимся: она чертовски умная женщина.

– Ты права, всё так и есть. Мне не нужны «большие» поступки и драма.

– Похоже, в жизни Темира как раз и происходит какая-то драма, в которую ты замешана, хочешь ты того или нет. Если он говорил гадости о тебе другой женщине, то...

– Значит, она его любовница.

– Необязательно. Возможно, он разрешает ей верить, что между ними что-то возможно, потому что это полезно для бизнеса.

Закатываю глаза.

– О да! Это намного лучше! – усмехаюсь со всхлипом. – Я

пытаюсь, но не могу придумать приемлемое объяснение, так что лучше оставим эту тему. Я собираюсь выслушать Темира, чтобы понять, что происходит в его жизни и смогу ли я когда-нибудь ему доверять. Строго говоря, я не *хочу* слушать его объяснения, но мне *следует* это сделать, чтобы либо дать ему второй шанс, либо поставить точку.

– Ты сможешь поставить точку?

Закрываю глаза и глубоко вдыхаю.

Вот это – самый страшный вопрос.

Потому что внутри меня не только обида.

Там ещё что-то.

Живое. Больное.

И всё ещё тянущееся к Темиру.

– Мне придётся, – шепчу.

Подруга обнимает меня – просто, тепло, по-доброму.

– Давай пока не будем об этом думать. Сегодня мы просто дышим. Отдыхаем. Ты в безопасности, Темир тебя не найдёт.

Я киваю, и в этот момент раздаётся звонок в дверь.

Я замираю на месте, будто внутри меня что-то резко обрывается.

Звонок в дверь звучит слишком громко, слишком резко, будто удар по нервам. Горячая волна паники поднимается от груди к горлу. Такая сильная, что на секунду кажется, что я перестаю дышать.

«Только не Темир... только не сейчас...» – мелькает в голове, и ладони мгновенно становятся влажными.

Хватаю Леру за локоть.

– Если это Темир, то не открывай.

Она хмурится, внимательно изучает моё лицо.

– Катя, ты... его боишься?

Резко выдыхаю.

– Чёрт... Это был тяжёлый день, и я довела себя до предела. Нет, конечно, я не боюсь Темира. Шутишь что ли? Он ни за что не причинит мне зла. Наоборот, пылинки с меня сдувает! Я просто... не хочу сейчас устраивать разборки. Я поэтому и уехала из гостиницы, что должна сначала прийти в себя, а только потом уже обсуждать наше будущее. Сейчас я... слишком на эмоциях, и на меня легко повлиять.

Лера кивает и направляется к двери. Через несколько секунд слышу её изумлённый голос.

– Олег, ты вернулся? Что случилось?

Выхожу в прихожую и с удивлением смотрю на своего приятеля и коллегу.

– Олежек, ты откуда? Машина сломалась, что ли?

Олег – медбрат, мы с ним работаем вместе, помогаем друг другу, поддерживаем. Именно к нему я обратилась за помощью во время свадебного банкета. Он приехал за Лерой, помог ей собрать мои вещи, а потом они вернулись за мной и помогли исчезнуть. Несколько лет назад мы с Олегом встречались, поэтому казалось неправильным приглашать его на свадьбу. Он не обиделся. После небольшого романа мы расстались без обид, просто решили, что нам лучше быть друзьями. Друзьями мы и остались.

И теперь он стоит в прихожей Леры, встревоженный, неловкий, и суёт мне в руки пакет.

– Что это? – Заглядываю в пакет, и мои глаза округляются. Там пачка денег. Большая. – Олеж, ты ограбил банк?!

Он закатывает глаза.

– Ага, да, я тот ещё преступник. Мне только банки и грабить. Короче, Ахидов нас с тобой расколос. Он знает, что я помог тебе с побегом. Позвонил мне, велел срочно передать тебе пакет и сказать, что никто об этом не узнает. Там ещё ключ спрятан под деньгами. Я не сказал Ахидову, где ты сейчас, но он и не спрашивал.

Мои глаза практически вываливаются из орбит. Ничего не понимая, сую руку в пакет... и да, там и правда есть ключ. На бирке адрес.

– Кто такой Ахидов? – спрашивает Лера.

– Один из врачей в нашей больнице, – отвечает Олег.

– Друг Темира, – одновременно с ним говорю я.

Лера трясёт головой.

– Я ни фиги не поняла.

Киваю, подтверждая, что я, вообще-то, тоже ничего не понимаю. Уже немного успокоилась, потому что пришёл не Темир и разборки не будет, но...

Снова заглядываю в мешок. Я таких денег за всю жизнь не видела.

– Зайди, Олег, я тебе кофе сделаю. Сядешь и объяснишь всё нормально.

Олег мотает головой.

– Не могу, мне на работу завтра, надо хоть немного поспать. Короче, Ахидов знает, что мы с тобой дружим и что меня не было на свадьбе. Когда ты сбежала, да ещё и твои вещи пропали из квартиры Темира, он догадался, что ты попросила меня о помощи. Наверное, в гостинице сказали, что такси никто не вызывал, а все остальные твои друзья были на свадьбе. Не удивлюсь, если он догадался, что ты у Леры, если кто-то заметил, что Лера ушла раньше. Но Ахидов не спросил, где ты, и велел тебе передать, что он никому ни о чём не расскажет. Это ключ от квартиры для врачей в блоке рядом с больницей. Эту квартиру используют, когда приезжают консультанты или кто-то для собеседования, или для временной работы. Она сейчас пустует, и ты можешь туда

переехать на какое-то время. А деньги тебе на случай, если у вас с мужем один счёт, и ты не хочешь сейчас зависеть от Темира. Ахидов сказал, что ты ему ничего не должна. Ты ему помогла и не раз, поэтому он рад отплатить добром.

– Это друг Темира?! – Брови Леры взлетают на середину лба от удивления. – Ты бросила мужа, а его друг даёт тебе деньги и квартиру, чтобы ты жила отдельно?!

Олег фыркает.

– Не неси чушь, а?! Ахидов не заставляет Катю жить отдельно, он просто даёт ей выбор, вот что. Всем бы женщинам в такой ситуации получить такой подарок. Катя сама решит, что ей делать и с кем жить, но у неё будет возможность взять тайм-аут, чтобы всё обдумать и при этом никого не стеснять и не голодать.

Лера по-прежнему смотрит на меня широко распахнутыми глазами.

– Друг Темира?

– Они дружат с детства, да. Камиль был на свадьбе.

– Камиль? Огромный как боров и с бритой головой? Похожий на бандита?

– Да. На самом деле он кардиолог.

– Если я встречу его в тёмном переулке, то умру от остановки сердца.

– Как раз от остановки сердца ты и не умрёшь, он очень хороший кардиолог и сразу тебя спасёт.

– А как ты ему помогла?

Отмахиваюсь от вопроса.

– Я ничего особенного не сделала. Его мать перенесла несколько операций, и... у неё не самый простой характер, поэтому в отделении с ней всегда были проблемы. А мне удалось с ней договориться...

– Не прибедняйся! – усмехается Олег. – Эта дамочка доводила бывалых врачей до слёз, а с тобой она как шёлковая. Ни у кого даже таблетку не возьмёт, только у тебя. Ты ведь и домой к ней ходишь?

– Только когда ей назначают уколы. Я не сделала для неё ничего особенного. – Пожимаю плечами и показываю на кучу денег в мешке. – За такую сумму можно нанять целую больницу!

Олег машет рукой, прощаясь.

– Короче, на этом я умываю руки. Если есть вопросы, звони Ахидову. Он сказал, что у тебя есть его номер.

– Ты не доверяешь этому... кардиологу, да? – с тенью усмешки спрашивает Лера, изгибая бровь так, будто уже заранее знает мой ответ.

Я смотрю на пачку денег в пакете – слишком толстую, слишком тяжёлую, слишком... неправильную.

Качаю головой.

– Брось! Я вообще никому не доверяю. А Камиль – друг Темира, так что здесь явно что-то нечисто. Я просто не понимаю одного. Он ведь видит меня в больнице и наверняка замечал, что я одеваюсь довольно скромно. Неужели он думает, что мне нужно столько денег, чтобы прожить несколько дней, пока мы договариваемся с Темиром?

Лера усмехается и пожимает плечами.

– Если бы мне подарили столько денег, я бы потратила их без вопросов. Вот хоть прям за десять минут.

Хихикая, мы возвращаемся в гостиную. Свет там мягкий, тёплый, но почему-то кажется, что он только подчёркивает сохраняющееся в воздухе напряжение. Мы вроде как смеёмся, но обе остаёмся в настороженной задумчивости, каждая в своём коконе мыслей.

– Ладно, подожди! – вздыхает Лера, садясь на край дивана. – Может, мы несправедливы к Камиллю. Если ты действительно очень помогла его матери, то почему бы ему не отве-

тить добротой? Он ведь не уговаривает тебя бросить Темира и не делает ничего постыдного. Он просто даёт тебе возможность побыть одной и вдохнуть свободно, перед тем как разбираться с мужем. Камиль отнёсся к тебе по-человечески...

– Он и тебе платит? – спрашиваю насмешливо. – Не надо, Лер. Я всё равно не поверю. Всё правильно, всё по-человечески... да, как же! Ты не понимаешь, что у них за дружба с Темиром. Они как братья, с детства повязаны. Друг за друга жизнь отдадут. Если бы Темир решил от меня избавиться, Камиль стоял бы рядом и копал яму. Вот какие они друзья. – Нервно усмехаюсь, в моём голосе дрожит горечь. – Если Камиль догадался, как я сбежала и куда, то сразу же сказал об этом Темиру, в этом можешь быть уверена. А если он прислал мне деньги и ключи от квартиры, значит, за этим стоит Темир.

Лера глядит на меня долго, внимательно – слишком внимательно, – потом снова пожимает плечами, будто не соглашаясь и в то же время не желая спорить.

– Ну... значит Темир о тебе позаботился. Он понимает, что от него ты сейчас ничего не примешь, поэтому действует через друга.

Я хмыкаю.

– Или не позаботился, а просто хочет знать, где я нахожусь, и контролировать ситуацию. Камиль помог найти для меня место, где я всегда буду под присмотром, но при этом не такое публичное, как гостиница. Они дали мне денег и

думают, что дело в шляпе: я у них под контролем, но при этом считаю себя гордой и независимой. Было бы дуростью думать, что это не так.

Лера открывает рот, чтобы что-то сказать, наверное, поспорить, но потом качает головой. Лишь заправляет локон за ухо и улыбается.

Поднимаюсь с дивана и подхожу к окну. Лера молчит, но я ощущаю на себе её внимательный взгляд. За откном обычный двор: припаркованные машины, одинокий фонарь, редкие прохожие. В одном из них мне чудится Темир.

Трясу головой и отворачиваюсь.

Поразмыслив, беру телефон и набираю Камиля.

– Здравствуй. Это...

– Катя, я что-то упустил? – перебивает он меня.

– Нет. Почему упустил?

– Тебе нужно что-нибудь ещё, о чём я не подумал?

– Мне ничего не нужно, спасибо. Я звоню поблагодарить тебя за заботу, а также сказать, что я не воспользуюсь ни квартирой, ни деньгами. У меня свой отдельный счёт в банке, поэтому денег у меня достаточно, и мне есть где жить. Но я благодарю тебя за помощь.

– Не веришь, да? – отзывается он.

– Прости... чему не верю? – Прикидываюсь дурочкой.

– Ты думаешь, что это Темир передал тебе деньги через меня?

– Не имеет значения, во что я верю или не верю. Вы с Те-

миром друзья, но это не значит, что я буду обсуждать с тобой нашу личную жизнь. Мы уж как-нибудь сами разберёмся. Но если ты искренне хотел мне помочь, то за это спасибо. Я завезу деньги и ключи домой к твоей матери, когда следующий раз её увижу, или передам тебе в больнице после отпуска.

– Ты меня не разочаровала, – усмехается Камиль и отсоединяется.

А я так и смотрю на экран распахнутыми глазами, силясь понять значение его слов.

С трепетом в груди захожу в кафе, одно из наших любимых.

Ступаю внутрь и будто проваливаюсь в наше с Темиром прошлое. Мы часто сюда заходим просто так, встречаемся посередине дня или забегаем на выходных. Кофе здесь совершенно уникальный. Настолько, что по утрам люди готовы стоять в длинной очереди, лишь бы получить свою чашку. Владелец упорно хранит тайну, никому не признаётся, у кого и где именно покупает этот сорт.

Именно поэтому мы с Темиром договорились встретиться тут во второй половине дня, когда можно без суеты занять угловой столик подальше от всех и поговорить.

Встретаться с Темиром дома я отказалась. Даже мысль об этом вызывает отторжение. Дом – это территория, где всё слишком близко, слишком личное, слишком болезненное. Там стены помнят смех, слова, обещания, прикосновения. А я не хочу, чтобы воспоминания вмешивались в наш разговор.

Поэтому я настояла, чтобы мы встретились в публичном месте, где я смогу зайти и выйти, когда сама этого захочу. Когда почувствую, что уже всё сказано.

Колокольчик на двери звенит, оповещая о моём появлении. Я даже не успеваю сделать шаг вперёд, как вижу, что

Темир поднимается из-за стола и стремительно направляется ко мне.

Через мгновение он уже рядом. Уставший, напряжённый, с покрасневшими глазами. Не раздумывая ни секунды, сгребает меня в объятия и прижимает к себе так крепко, будто хочет спрятать внутрь себя, укрыть от всего мира.

– Чёрт возьми, – выдыхает он мне в волосы, голос низкий, хриплый. – Убил бы себя за то, как сильно тебя расстроил. Но сначала извинюсь, вымолю у тебя прощение... а потом уже буду убивать.

Он пытается ворчать, но выходит с надрывом, и в этом надрыве слышится облегчение и боль.

По натуре Темир не игрок. Он умеет притворяться, это так. Я не раз видела, как он сдерживал свой горячий нрав, как говорил с кем-то подчеркнуто вежливо, хотя внутри кипел. Но это притворство было... поверхностным, социальным, необходимым. Оно никогда не касалось наших чувств.

А сейчас... он будто вообще теряет контроль над собой. Обнимает меня, гладит дрожащими ладонями. Его дыхание неровное, голос срывается.

Сейчас я уверена, что он не лжёт... По крайней мере, мне так кажется. Я слышу его чувства, а не красивые слова.

И говорить он умеет красиво, даже очень. От его комплиментов и признаний мне всегда было так сладко и светло, будто я глотала солнечный свет.

И сейчас... моё сердце сжимается в ответ на эмоции Те-

мира. Прошло слишком мало времени после нашего разрыва, и всё моё существо до сих пор настроено на него: на его запах, на его голос, на прикосновения.

– Пойдём, – шепчет он, мягко направляя меня к столику.
– Я... спать без тебя не могу, есть тоже... вообще не существую. Пришлось на работу идти, а то с ума сходил. Видела бы ты лица сотрудников, когда я там появился! Все были уверены, что мы с тобой улетели на Мальдивы. Медовый месяц, всё такое... А тут раз – и начальник на месте...

Он пытается улыбнуться, но получается плохо.

Пытается говорить легко, но его голос дрожит.

Пытается сделать вид, что между нами всё хорошо, но... знает, что это неправда.

Мы садимся за столик.

Складываю перед собой руки. Ничего не говорю. Жду, пока Темир разговаривает с официанткой.

Только когда она уходит, я поднимаю взгляд и смотрю на Темира.

Внимательно. Холодно.

Пытаюсь увидеть в его глазах ложь.

Пытаюсь поймать тень фальши, заметить хоть один неверный жест.

Но вижу только родное лицо, к которому привыкла. Мой любимый мужчина.

Который назвал меня «цацкой».

– Темир, я не хочу притворяться, что у нас всё хорошо и мы можем болтать о том, о сём. Я ушла от тебя...

– Это была ошибка! – перебивает он, горячо, резко. – Я ошибся. Я сказал то, что не должен был говорить. Это была паника... и малодушие с моей стороны, потому что я испугался, что женщина, с которой я разговаривал, устроит скандал во время нашей свадьбы. Я должен был это предотвратить, поэтому сказал... то, что сказал, а ты услышала... – Резко мотает головой. – Я слишком тороплюсь, извини. Закончи то, что ты собиралась сказать, а потом я расскажу тебе, что произошло. Всю правду.

– Хорошо, – киваю. – Именно поэтому я здесь. То, что я услышала в коридоре гостиницы, шокировало меня по двум причинам. Во-первых... то, что ты сказал обо мне и как ты это сказал... Мне тяжело об этом даже вспоминать.

Темир гулко сглатывает. Его пальцы сжимаются в кулаки.

– Ты назвал меня красивой картинкой. Цацкой. Игрушкой, – продолжаю. Темир открывает рот, но я поднимаю ладонь, останавливая его. – Не уверена, хочу ли я обсуждать это с тобой или нет. Потому что даже если ты сейчас поклянёшься, что не думаешь обо мне так, я не уверена, что поверю. Это было ужасно, Темир. Просто ужасно.

– Катя... умоляю тебя... – Его голос ломается. Он подаёт-

ся вперёд, пытается взять меня за руку, но я отстраняюсь. — Не говори так. Ты же сама наверняка знаешь, что я не думаю о тебе ничего подобного...

— Позволь мне закончить. Второе, что меня шокировало — это то, как ты разговаривал с той женщиной.

— Её зовут Зара.

— С Зарой, — повторяю эхом. — Слушая вас, я... я была в шоке, насколько вы близки. Ты говорил с ней так... так фамиллярно. Нежно. Сочувственно. Ты успокаивал её так, будто она... — Мой голос всё же срывается. — Будто она твоя любовница. Ты сказал ей, что между вами ничего не изменится. После этого я не смогла остаться с тобой в гостинице и ушла. Однако я здесь, чтобы дать тебе возможность высказаться. Перед тем, как подам на развод.

Темир подскакивает, будто его ударило током.

Стул опрокидывается, ударяясь о стену.

Разговоры вокруг замолкают, мы становимся центром внимания.

Темир дышит тяжело, рвано, то и дело порывается что-то сказать или сделать, но, видимо, вспоминает, что он в общественном месте. Он похож на загнанного в угол зверя. Его глаза... горят. В них огонь, шторм, паника – всё сразу. Он открывает рот, будто хочет выкрикнуть что-то, запретить, разорвать в клочья сказанное мною слово «развод».

Но потом он берёт себя в руки и останавливается.

Прямо на грани.

Глубоко-глубоко вдыхает.

И медленно, почти мучительно медленно снова садится.

Я не сдаюсь, не ослабляю хватку. Сегодня мы оба должны быть искренними до конца.

– Я не могу жить с мужчиной, который говорит обо мне гадости, даже если неискренне и с целью кого-то успокоить. А ещё я не могу жить с мужчиной, у которого имеются отношения с другой женщиной, даже если... не физические.

– Может, всё-таки подождёшь ставить отказную печать? – спрашивает Темир угрюмо. Его голос низкий, чужой, полный бурлящего гнева... и, кажется, отчаяния.

– Я просто хотела, чтобы ты знал, как обстоят дела. Но я готова тебя выслушать.

Темир кивает, потом долго молчит. Смотрит в чашку с кофе, будто там, на дне лежит правильный ответ, который надо вытащить на свет.

Потом он резко проводит ладонью по лицу, и подаётся вперёд, ко мне, как человек, который решился нырнуть в холодную воду.

– Я родился в бедности, – говорит он наконец. Голос глухой, без привычной уверенности. – У меня не было ни стартового капитала, ни связей, ни подушки безопасности. И знаний тоже не было. Были только упрямство и злость. Я злился на бедность, на зависимость, на то, что я всегда был кому-то должен. Я начинал бизнес с нуля. Буквально с пустых рук. – Он морщится, но не отводит взгляда. В его глазах усталость и старая, давно пережёванная боль. – В то время меня познакомили с Зарой. Она была богатой вдовой. Очень богатой. Умной. Холодной. Её муж занимался бизнесом всю жизнь, и она прошла с ним весь этот путь. Когда он умер, она искала, куда вложить деньги. Не просто вложить, а ей нужен был живой проект, человек. Амбициозный. Голодный. – Темир горько усмехается. – Таким я и был. Она увидела во мне потенциал. Вложила. Научила многому. Не по книгам, по

реальной жизни. Показала мне как договариваться, кого бояться, а кого – нет. Где уступить, а где давить до конца. Она вытаскивала меня из ситуаций, из которых я сам бы не вылез. Иногда – буквально за шкуру. – Он делает паузу, как будто сверяет свои слова с воспоминаниями. – Мы стали своего рода друзьями. Зара старше меня, но в какой-то момент наша дружба переросла... – Он морщится, подбирая слово. – В близость. Мы были любовниками. Не потому что я был в неё влюблён, а потому что так сложилось. Потому что Зара всегда была рядом, когда было трудно. Мы много работали вместе, поэтому казалось естественным, что иногда мы... были близки. Потом это прошло. Само. Без драм, без сцен. Я перестал хотеть её как женщину, а она... я не знаю точно, но мне казалось, что и она тоже ко мне остыла. До того, как встретил тебя, я не заводил длительных связей. И Зара привыкла, что она – единственная женщина в моей жизни. Даже если формально мы больше не любовники. Я не рассказывал ей о тебе, потому что предвидел проблему. Признался только перед нашей свадьбой, и тогда... – Он резко выдыхает. – Это было ужасно. Истерики, скандалы, угрозы... Зара посчитала мою женитьбу предательством, как будто мы с ней до сих пор вместе. Я не знал, что у неё до сих пор иллюзии в отношении меня. – Темир сжимает кулаки, наклоняется вперёд. – Зара слишком многое обо мне знает, Катя. Она и сейчас завязана в моём бизнесе, и я... испугался. За нас с тобой, за всё, что построил. Я испугался, что Зара станет ломать,

мстить, устраивать проблемы. И я... — Темир смотрит мне прямо в глаза, не отводя взгляда. — Я солгал ей. Сказал ей то, что, как мне казалось, её успокоит. Что между нами ничего не изменится. Что ты... — Он морщится, будто слова режут язык. — Что ты всего лишь украшение и мало что для меня значишь. Зара грозилась явиться прямо на банкет и устроить скандал, поэтому я был готов сказать ей всё что угодно, только бы остановить её истерику.

Он замолкает на долгое время, потом добавляет тихо.

— Это было трусостью с моей стороны. Не отсутствием любви к тебе, а страхом потерять контроль. С тех пор я поговорил с Зарой и всё ей объяснил. Сказал честно, что не собирался влюбляться и не считал себя способным на такие сильные чувства, но это случилось, и теперь я сделаю всё возможное, чтобы тебя не потерять. Разговор был непростым, но... Мы смогли договориться. Всё, Катя. Я всё сказал.

Где бы найти лакмусовую бумажку, которая проверяет на искренность?

Наверное, я должна испытывать облегчение от признания Темира. От того, что проблема связана с прошлым, которое он так и не закрыл. С женщиной, которая во многом создала его и знала его слабым. Которая воспользовалась этим, чтобы угрожать и пытаться привязать его к себе.

И всё равно... здесь что-то не так. Очень не так.

Темиру было легче назвать меня вещью, чем разобраться с Зарой заранее.

Это ранит.

Он тянул до последнего, не говорил Заре правду, поэтому и получил скандал в день свадьбы. Зара разыскивала его через Камиля, скандалила, угрожала... но Темиру удалось её успокоить.

А потом, когда он поговорил с ней после свадьбы, им удалось договориться?

Я не знаю Зару, но... мне трудно поверить, что с угрожающей и скандалящей женщиной можно так просто договориться.

– Ты попытаешься меня понять... и простить? – спрашивает Темир.

– Да. После того как встречусь с Зарой.

Его взгляд на секунду замирает, а потом загорается раздражением.

– Значит, настолько мне не доверяешь?

– Я не доверяю Заре и поэтому хочу с ней познакомиться. Прямо сейчас.

– Сейчас?! – Удивлённо округляет глаза.

– Да. До того, как вы с ней сможете отрепетировать представление специально для меня. – Темир гневно скалится, пытается возразить, но я перебиваю его. – Позвони Заре и скажи, что нам надо срочно поговорить. Прямо сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.